

Е.Н. БЕКАСОВА, L. GAJARSKÝ
(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия; Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave,
г. Трнава, Словацкая Республика)

УДК 811.16'37
ББК Ш141-3

«ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности использования праславянского лексического фонда в системах современных славянских литературных языков – словацкого и русского. В ходе анализа лексики русского и словацкого литературных языков были выявлены основные тенденции в использовании потенциальных возможностей праславянского фонда. Указываются сходства и различия в представлении «общеславянского элемента» (Н.С. Трубецкой), которые обусловлены, прежде всего, спецификой отношения словацкого и русского литературных языков к древнейшему литературно-письменному языку славян, а также условиями формирования и развития в зависимости от нового или архаического типа и связи с другой литературной традицией по преемству или влиянию. Естественный и многовековой процесс использования общеславянского наследия в русском литературном языке в определённой степени отразился на многообразии и богатстве словарного строя, в то время как сознательная кодификация словацкого языка в «штуровщине» потребовала логически выверенного его отражения и чёткой организации, преломлённой через исконную систему словацкого языка. Однако при этом лексический строй русского и словацкого литературных языков показывает, что в них неизменными остаются практически неисчерпаемые возможности расщепления многозначности синкретичного средневекового слова в бесконечности его формо- и словообразовательных трансформаций.

Ключевые слова: праславянский лексический фонд, литературный язык, словацкий литературный язык, русский литературный язык, семантический синкретизм.

Единство «славянского мира и славянского племени», рассеянного на значительной территории, в течении многих веков поддерживалось не только генетически, но и самой мыслью о родственности и близости отдельных славянских народов и литературной взаимности между ними.

Ещё летописец Нестор на грани XI-XII вв. передаёт твёрдую убеждённость древнерусских книжников в общности славянского языка-племени и их языка, начиная от времени, когда был

«родъ единъ и языкъ единъ», а Бог «съмеси языки и расъсея по всей земли»: «от сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенскъ» [Лаврентьевская летопись 1377, 2 об.], «бе един языкъ словенскъ» (л. 9), «мурома языкъ свои, и черемиси свои языкъ, мордѣва свои язык. Се бо / токмо словенскъ языкъ в Руси» (л. 4-4 об.).

С созданием азбуки и переводов библейских текстов для всех славянских народов единство славян укрепляется верой – *«Летитъ бо ныне и Словенско племя / Къ крещению обратишася вси»* [Лавров 1930: 255] – и поддерживается старославянским языком, который вошёл в «ранг культурных международных языков Восточной Европы» [Виноградов 1978: 17], в результате чего «в течение трёх веков славяне пользовались в принципе единым книжно-литературным языком с рядом локальных вариантов» [Толстой 1988: 143].

В «Повести временных лет» отчётливо передаётся осознание этнической общности и единства культурно-письменной традиции славян эпохи Кирилла и Мефодия: *«Бе едь языкъ словенскъ... прозвася грамота словенская, яже грамота есть в Руси и в болгарах дунайских ... А словенский язык и русский одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словенскаяа речъ бе. Полями же прозвании быши, зане в поли седаху, а язык словенски един»* [Повесть ... 1996: 16].

По утверждению Н.С. Трубецкого, возникший в результате переводческой деятельности Кирилла и Мефодия язык можно рассматривать «как литературный язык конца праславянской эпохи» [Трубецкой 1990а: 127] и именно он становится неисчерпаемым источником общеславянского единства и «составляет главное преимущество русского литературного языка, преимущество, отказ от которого был бы равносителен добровольному самооскоплению» [Трубецкой 1990б: 117].

Память о великой общности, усиленной священными текстами на понятном славянам языке, сохраняется и в непрерывно развивающейся кирилло-мефодиевской традиции у восточных и южных славян, и в почитании просветителей и учителей славянских у западных славян, где «ослепительная культурная вспышка зарождения оригинального славянского письма» [Трубачёв

2005: 24] – это символ собственной аутентичности в меняющихся условиях государственных объединений, новых религиозных, экономических и идеологических условиях.

Достаточно чётко об этом пишет Людовит Штур, который в поисках национального определения своего родного словацкого народа обращается к идее славянского единства и считает, что «возможно спасение лишь в общеславянской жизни» [Штур 1909: 147]. Подчёркивая «узы родства и братского единения», Л. Штур указывает на то, что живёт ещё «память о некогда общей всем нашим племенам Греко-Славянской Церкви» [Штур 1909: 4] и звучат «голоса, вспоминающие распавшимся славянским племенам об общем происхождении и об утраченном единстве», которые «подавались в славянском мире Св. Кириллом и Мефодием, Нестором, св. Прокопом, Далимилом, Пасецким и т.д., и с ними, как и со всеми преданиями, связано сознание общего происхождения у всех племен, которое проходит целые столетия и никогда вполне не вымирало» [Штур 1909: 3-4]. Это подтверждает и современную точку зрения известного слависта академика О.Н. Трубочёва: «сознание единства входит в самосознание самих славян. В нём никто никогда не сомневался, его не надо было доказывать, не требовалось насаждать путем просвещения» [Трубочёв 2005: 24].

В таких условиях генетическая общность славянских языков преумножалась значимостью «общеславянского элемента» (Н.С. Трубецкой) в древнейшем литературно-письменном языке славян и его межславянским значением в их культурно-историческом и языковом развитии. В связи с этим праславянское наследие становится не столько языковым, сколько ментальным достоянием славянства, которое в своём расхождении и усложнении постоянно обращалось к тем истокам, о которых писал Нестор – *«се бо суть реки, напоюще вселеную всю, се суть исходища мудрости»* [Повесть ... 1996: 66].

Как утверждают слависты, в современных славянских языках «четверть активного запаса унаследовано от праславянской эпохи» [Кондрашов 1977: 189], при этом общеславянский лексический фонд, обладая неисчерпаемой продуктивностью и выразительными потенциями, «изменялся, оставаясь самим собой» [Трубочёв 1994: 3], а словарный состав славянских языков «рас-

ширятся прежде всего за счёт собственных ресурсов путём суффиксального словообразования для имен и префиксального наряду с суффиксальным для глаголов и наречий» [Супрун 2005: 26].

В плане сохранения «общеславянского элемента» особенно интересно сопоставить русский и словацкий языки, литературные страты которых имеют весьма существенные различия.

Судьба русского литературного языка в самом начале своего существования, как точно определяет А.С. Пушкин, «была чрезвычайно счастлива»: через посредство старославянского языка «древнегреческий язык открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени» [Пушкин 1994: 136-137]. Это определяет отнесение русского литературного языка к «группе церковнославянской традиции» по преемству [Трубецкой 1990б: 119] с непрерывным развитием и сохранением давней традиции [Толстой 1988: 23].

Словацкий литературный язык относится к группе польско-чешской традиции по влиянию [Трубецкой 1990б: 119]. В отличие от русского литературного языка, относящегося к языкам «архаического типа» и старописьменным, словацкий литературный язык не только является языком «нового типа», но и приобретшим «современную литературную форму лишь в середине XIX в.» [Толстой 1988: 19].

Естественный процесс постепенного складывания русского литературного языка обуславливал его многослойность в переплетении восточнославянских и южнославянских языковых стий, различных этапов эволюции и отмирания элементов, которые обогащали его систему своей многовековой жизнью. У словацкого литературного языка не было возможности веками отрабатывать литературные нормы и формы – он изначально был порождением сознательной кодификации и шлифовки одной (среднесловацкой) диалектной базы под тщательным надзором Л. Штура и его последователей. Пережив период первой кодификации на основе трнавского койнэ А. Бернолаком – бернолаковщину, словацкий литературный язык «второй волны» выстоял и закрепился исключительно благодаря деятельности шту-

ровцев. С одной стороны, собственная диалектная база словацкого языка, во многом сохранившего архаичные черты, характерные для праславянского периода (в частности, тоническое ударение, долгие гласные, слогообразующие сонорные и др.), определила его специфику на лексико-семантическом и словообразовательном уровне, а с другой стороны, заполнение лакун происходило за счёт сознательной ориентации на латинскую, греческую и чаще всего близкую словакам чешскую литературную лексику, которой требовалось придать соответствующую фонетическую огласовку и морфологическую форму (подробнее см.: [Pauliny 1966]).

Следует признать, что такое соединение способствовало не только сохранению, но и «оживлению» праславянского наследия. Весьма показательно в этом плане указание Ф.П. Филина на то, что «исконный *перст* ‘палец’, *очи* ‘глаза’, *чело* ‘лоб’, *тать* ‘вор’ и многие другие им подобные ещё в XVIII в. стали определяться не как русские, а как церковнославянские, поскольку они вышли или выходили из русского речевого обихода (хотя многие из них до сих пор прямо или в своих производных сохраняются в русских говорах)» [Филин 1981: 11]. В современном словацком литературном языке наблюдается практически полное сохранение указанных слов (ср.: *prst* ‘палец’, *oko* ‘глаз’, *čelo* ‘лоб’), кроме слова *тать*, которое, однако, связано с общеславянским лексическим фондом – *zlodej* ‘вор’ (здесь и далее примеры из [Коллар, Григорянова 2011]).

Убедительно также сопоставление «так называемых безусловно общеславянских слов» [Львов 1975, с. 31] с их представленностью в русском и словацком литературных языках, ср.: *небо* – *nebo*, *море* – *more*, *облако* – *oblak*, *земля* – *zem*, *человек* – *človek*, *люди* – *ľud*, *народ* – *národ*, *смех* – *smiech*, *плачь* – *plač*, *мясо* – *mäso*, *рыба* – *ryba*, *мёд* – *med*, *вода* – *voda*, *суша* – *súš*, *лес* – *les* и др.

Однако прослеживаются и различия в использовании общеславянского наследия в русском и словацком языках, ср.: *толпа* – *dav*, *горе* – *žiaľ*, *язва* – *vred*, *болезнь* – *choroba*, *бессонница* – *nespavosť*, *жар* – *horúčka*, *одышка* – *záduch*, *грудь* – *prsia*, *hrudník*, *ладонь* – *dlaň*, *рука* – *rameno*, *жизнь* – *život* и под. При этом семантическое развитие «общеславянского элемента» может

привести к энантиосемии типа *zпах – vôňa, свежий – čerstvý, свежесть – čerstvosť* и под. Однако следует подчеркнуть безупречность использования того семантического синкретизма, который был свойственен праславянскому слову. В частности, многозначность значения древнерусского слова *чьрствъ* ‘твёрдый; сухой, черствый; безупречный; ясный; значительный’ в русском литературном языке распалась, оставив только значения ‘твёрдый, сухой’ и переносное ‘бездушный’. В западнославянских языках развёртываются другие, метонимически связанные с древнерусскими значения, – ‘свежий, бодрый’, ср.: *čerstvý* – 1 (*nie starý*) свежий; ~ *chlieb* свежий хлеб; ~ *á zelenina* свежие овощи; ~ *é vajcia* свежие яйца; ~ *é mäso* свежее мясо ~ *á stopa* свежий след; ~ *dojem* свежее впечатление; ~ *vzduch* свежий воздух. 2 (*nie unavený*) живой, бодрый; ~ *á mysel'* живая мысль.

Следует отметить, что сознательная направленность Л. Штура и его последователей на исконную основу в шутовщине отражается на особенностях обогащения словарного состава литературного языка. С одной стороны, шутовцы «смело вводили местную диалектную лексику» [Смирнов 1978: 147], с другой стороны, не отрицали необходимости заимствований. Как свидетельствует Л.Н. Смирнов, Л. Штур, «как кодификатор, занимал в целом трезвую, свободную от крайностей пуризма позицию» [Смирнов 1998: 268], однако такой подход в условиях установления собственного литературного языка как символа национального самосознания был далёк от многовековых процессов «претворения в свою собственность» русским литературным языком иноплеменных слов (Ф.И. Буслаев).

На первом этапе становления шутовщины практиковалась так называемая «скобочная практика», где при новом слове в скобках пояснялось его значение, нередко за счёт окказиональных слов, построение которых во многом напоминает феномен народной этимологии в русском языке, например: *телескоп – d'alekohľad, стенография – tesnopis, акция – účastina, философия – mudroslovja, хирургия – ranárstvo, лингвистика – jazikoslovja, jazikospit, jazikoznanstvo* и под. Ряд подобных слов сохранился и в современном словацком языке: *история – dejepis, тропуар – chodník, суфлёр – šepkár, естествознание – prírodopis* и др.

Тенденция предпочтения «своего» «чужому» в определённой степени чётко прослеживается на всех этапах развития словацкого литературного языка и присутствует даже в современных условиях активного заимствования из английского языка [Григорянова 2014], при этом в словацком языке активно используется «общеславянский элемент», ср.: вокзал – *stanica*, платформа – *nástupište*, киоск – *stánok*, газон – *trávník*, театр – *divadlo*, артист – *umelec*, билет – *listok*, туфли – *topánky*, флакон (одеколона) – *oblievačka*, партер – *prízemie*, сцена – *javisko*, стюардесса – *letuška*, иллюминатор – *okno*, фрукт – *ovocie*, компьютер – *počítač*, принтер – *tlačiareň*, дрель – *vŕtačka*, браслет – *náramok*, поэт – *básnik*, бинокль, подзорная труба, телескоп – *d'alekohľad*, касса – *pokladňa* и под.

Следует обратить внимание на бесконечные возможности праславянского достояния, которое по-разному используется русским и словацким литературными языками, ср.: самолёт – *lietadlo*, густой – *hustý*, жидкий мёд – *tekutý med*, овощи – *zelenina*, дичь – *divina*, гвоздь – *klinec*, гвоздика (цветок) – *klinček*, приглашение – *pozvánka*, кишка – *črevo*, вонь – *smrad*, духи – *voňavka*, продукт – *potraviny*, зритель – *divák*, одеяло – *prikrývka*, налог – *daň*, доза, норма, рацион – *dávka*, пирожное – *zákusok*, занято – *obsadené* и др.

При этом в словацком литературном языке наблюдается логически оправданное использование различного типа образований на базе общеславянского элемента, например: *zem* – земля, *zeterán* – помещик, *zeteris* – география, *zeterisár* – учитель географии, *zeterisec* – географ, *zemiak* – картофель, *zemiakárstvo* – картофелеводство, *zemina* – грунт, *zemeguľa* – Земной шар; *životopis* – биография, *životospráva* – режим питания, *životnosť* – срок эксплуатации, *živnosť* – (малое) предпринимательство, *živnostník* – (мелкий) предприниматель; *byť* – быть, *bývať* – жить, *bytosť* – существование, *byt* – квартира, *bytovka* – жилой дом, *bytový dom* – жилой (квартирный) дом, *bývanie* – жилище, квартира, жильё и под.

Являясь по сути вселенной, где происходит сгущение смысла, праславянское слово обретает множественность в беспредельном прирастании и расщеплении исходного своего значения, которое естественно используется в диалектах и шлифуется

в литературном языке. И при всём несходстве исторических судеб славянские литературные языки в своём развитии обращаются к заложенному и накопленному в общеславянском фонде содержанию, позволяющему по-разному раскрывать и использовать его возможности в соответствии с потребностями и традициями литературной страты.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 319 с.

Григорянова Т. Английские заимствования в русском и словацком языках // Acta rossica tyrnaviensis. – Brno: Tribun EU, 2014 – С. 40-48.

Коллар Д., Григорянова Т. Словацко-русский словарь в двух томах. – Братислава: «ASAP-translation. Com, S. R. O.», 2011.

Кондрашов Н.А. Русский язык глазами слависта // М. Кубик, Н.А. Кондрашов. Русский язык глазами слависта-лингвиста. – Praha:Státní hedagogické nakladatelství, 1977. – С. 157-250.

Лаврентьевская летопись 1377 г. Электронное представление памятника. Режим доступа: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (дата обращения: 12.02. 2016).

Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. – Л.: АН СССР, 1930. – 256.

Львов А.С. Изучение праславянского слоя старославянской лексики // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. Октябрь 1975 г. Москва. – Выпуск 1. Славянская историческая лексикология (книжная и народная лексика в истории славянских литературных языков). – М., 1975. – С. 30-34.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996. – 669 с.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. IV. Санкт-Петербург: Библиополис, 1994.

Смирнов Л.Н. Заметки по словацкой исторической лексикологии // Слово и культура. – Т. 1. – М.: Индрик, 1998. – С. 264-272.

Смирнов Л.Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780-1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. – С. 86-157.

Супрун А.Е., Скорвид С.С. Славянские языки // Языки мира: Славянские языки. – М.: Academia, 2005. – С. 12-28.

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. – М.: Наука, 1988.

Трубачёв О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 2005.

Трубачёв О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. 1991-1993. – М., 1994. – С. 3-23.

Трубецкой Н.С. а) Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы

языкознания. 1990. – № 2. – С. 122-139.

Трубецкой Н.С. б) Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. – № 3. – С. 114-134.

Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М., 1981.

Штур Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людовита Штура / Перевод неизданной немецкой рукописи с примечаниями В.И. Ламанского. Второе издание / Под ред. К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского. – СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1909.

Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1966. – S. 68-98.

© Бекасова Е.Н., 2016

© Gajarský Lukáš, 2016